

ЧЕЛОВЕК И МИР

ДИАЛОГ

№ 2 (3), АПРЕЛЬ – ИЮНЬ 2021

ЧЕЙ ТРИУМФ
ВОПЛОЩАЕТ
АРХИТЕКТУРА
МИНСКА

ЧТО
В СОВРЕМЕННОМ
МИРЕ СТАЛО
МАЯКОМ
НАДЕЖДЫ

КТО СПАСАЛ
КАЗАНЬ
В XVII ВЕКЕ

СКОЛЬКО
СЕЗОНОВ
НУЖНО
ДЛЯ СЧАСТЬЯ

Наука, исследования,
аналитика

Консалтинг,
проекты

Цифровые технологии
и решения

Издательская
и медиадеятельность

Просвещение
и обучение

Гуманитарные
коммуникации

*Искусство диалога
и доверия*

Москва, Коробейников переулок, 22, строение 1

+7 (495) 252-67-88 www.nicrus.ru institut@nicrus.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКЦИИ 4	КОГДА-ТО 80
ДАЛЕКО, В СТРАНЕ ЧУДЕС ДМИТРИЙ БАЛЬБУРОВ	СПАСАЯ КАЗАНЬ ЮРИЙ ЭСКИН
ГЛАВНАЯ ТЕМА: РЕСПУБЛИКА БЕЛАРУСЬ	БЫЛОЕ И ДУМЫ 87
БОГОСЛОВИЕ ДОБРОСОСЕДСТВА 8 СВЯЩЕННИК СВЯТОСЛАВ РОГАЛЬСКИЙ	ИЗДАТЕЛЬ «РУССКОЙ МЫСЛИ» ВУКОЛ ЛАВРОВ АННА ЛАВРОВА
ВОПЛОЩЕНИЕ ТРИУМФА 17 КСЕНИЯ КОКОРИНА	ИМЕНА 96
ЗУБР, ПРОСТО ЗУБР 26 АННА МОРОЗОВА	ГЭРИСЭ С БЕРЕГОВ АМУРА ЕЛЕНА ХОДЖЕР
ARS LONGA	ВКУС ЖИЗНИ
ВМЕСТЕ 34	ОЙ КУМЕНА 108
МАЯК НАДЕЖДЫ ГУЛЬНАРА КРАСНОВА	ГРЕЗЫ О ПРОШЛОМ АЛЕКСЕЙ ПИСКУЛИН
ТРАДИЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ 42	ПЕСТРЫЙ МИР 116
СВОБОДЫ ТАЙНЫЙ СТРАЖ МАРИЯ ФИЛАТОВА	СТО СЕЗОНОВ СЧАСТЬЯ ИРИНА НОВИЧКОВА
СТЕНЫ И МОСТЫ 50	ГУРМАНЫ 124
ВОЛНЫ КАТЯТСЯ НА БАКУ НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВА	ПОИСКИ ИДЕАЛА ГЛЕБ МОРДОВЦЕВ
НА ОДНОЙ ПЛАНЕТЕ 56	
ИДУЩИЕ ВПЕРЕДИ МИХАИЛ БРОНШТЕЙН, БРАЙАН АЛЕКСАНДЕР (ФОТО)	
НАШЕ ВСЕ 64	
ЖЕНИХ И НЕВЕСТА ИЗ ОДНОГО ТЕСТА МАРИЯ ЗАГИТОВА	
АРХИВ ВРЕМЕН 73	
ЧЕРКЕССКАЯ КНЯЖНА ИЗ ПАРИЖА ЕЛЕНА ГЛЕБОВА	

НАШ САЙТ
perspectum.info

ОФОРМИ ПОДПИСКУ
project-media.ru/shop

ЖУРНАЛ
ЧЕЛОВЕК И МИР
ДИАЛОГ

Редакция
Шеф-редактор
ДМИТРИЙ БАЛЬБУРОВ
Ответственный секретарь
ТАТЬЯНА ТИМОФЕЕВА
Адрес редакции: 119034, Москва,
Гагаринский пер., 5, стр. 1, эт. 2, оф. 2
Телефон +7 495 146 83 02
E-mail: project_media@perspectum.info

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-79031 от 28 августа 2020 г.
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информаци-
онных технологий и массовых комму-
никаций (Роскомнадзор)

Учредитель
ООО «Проект Медиа Групп»
Генеральный директор
АЛИНА ГАСУМЯНОВА
Директор медиапроектов
ПЕТР ФАДЕЕВ

Отпечатано
**ОАО «Подольская фабрика
офсетной печати»**
Московская обл., 142100, г. Подольск,
Революционный проспект, 80/42
Тип. номер: 02977-20
Тираж 5000 экз.
Цена свободная

Перепечатка и любое воспроизведе-
ние материалов и иллюстраций толь-
ко с письменного разрешения редак-
ции, учредителя

Подписной индекс **ПП346**
(Почта России, подписка онлайн)

ДАЛЕКО, В СТРАНЕ ЧУДЕС

ДМИТРИЙ БАЛБУРОВ
шеф-редактор

На планете много удивительных мест, но об одной чудесной стране хочется сказать особо. На первый взгляд, она далека от стандартных представлений о земном рае – здесь нет пальм и буйства красок, холодно, ветрено, малоллюдно, транспортных коммуникаций и комфорта недостаточно для XXI века. Но при этом есть горы в половину неба, равнины до горизонта, переполненные рыбой чистейшие реки и озера, бескрайние моря и множество потрясающих воображение островов, первозданные пляжи протяженностью в сотни километров с ослепительным пенным прибором, непуганые экзотические животные и птицы. Здесь переменчиво все – ветры, течения, температуры, настроения, мысли и желания. Здесь ледяные цветы, радужные облака, огненные столбы, ложные солнца, фата-моргана и другие природные феномены. Полярное сияние, наконец.

Да, речь об Арктике. Ее тихий зов слышит каждый, кто хоть раз побывал там. Постоянные читатели «ЧиМ» наверняка обратили внимание: к этой теме мы обращаемся в каждом номере, что логично. Россия входит в мировой элитный «клуб пяти» – стран с заполярными владениями. Более того, в силу географического положения у нас самый внушительный арктический сектор 200-мильной экономической зоны, а все пограничные разногласия исчерпаны (они сохраняются только между США и Канадой в море Бофорта, между Канадой и Гренландией/Данией за небольшой остров Ганса и между Гренландией/Данией и Норвегией). В 2015 году Россия вторично отпрати-

ла заявку в ООН на расширение континентального шельфа, и, с учетом результатов прошлогодних исследований на научном судне «Академик Лазарев», шансы на удовлетворение очень высоки.

На «крыше мира» не только природные чудеса, есть и антропогенные. Один из этнонимов ненцев – *ясавай*, который можно перевести и как «хозяин», и как «знающий местность», и как «идуший впереди». Очерк об этом народе известного российского этнографа Михаила Бронштейна, иллюстрированный фотографиями признанного корифея Арктики британца Брайана Александра, можно прочитать на страницах 56–63, а также еще раз всмотреться на обложке в глаза маленького человека, открывающего для себя большой мир. Девочку зовут Неня Вануйто, она живет на Ямале. Интересно, что у людей в разных частях Евразии и в разные времена остаются схожие понятийный аппарат и ассоциативное мышление. В Испании в эпоху Великих географических открытий существовал почетный титул *El Adelantado* («идуший впереди», «опережающий»), которым король удостоивал наиболее отличившихся первооткрывателей и конкистадоров. А коренные северяне сами титуловали себя, не дожидаясь монаршей милости.

Мир становится ближе и лучше, когда соседи воспринимают друг друга жителями страны чудес. В чьих-то глазах это Белоруссия (стр. 6–32), в чьих-то Азербайджан (стр. 50–55) или Туркмения (стр. 64–72), а в чьих-то – и Россия. По крайней мере, мы обещаем способствовать этому зоркому и радостному взгляду.

ARS LONGA

ARS
LONGA

СВОБОДЫ ТАЙНЫЙ СТРАЖ

МАРИЯ ФИЛАТОВА

СЛАВА
КУБАЧИНСКОЙ
ОРУЖЕЙНОЙ ШКОЛЫ
ДАВНО ВЫШЛА ЗА
ПРЕДЕЛЫ КАВКАЗА
И РОССИИ

ДАГЕСТАНСКИЕ КИНЖАЛЫ БЫЛИ И ОСТАЮТСЯ ОДНИМ ИЗ ЛУЧШИХ И ЖЕЛАННЫХ ПОДАРКОВ ДЛЯ МУЖЧИН. ТАКОЙ ПИЕТЕТ ВОЗНИК ЕЩЕ В XIX ВЕКЕ, И ОСОБОЙ ПОПУЛЯРНОСТЬЮ ПОЛЬЗУЮТСЯ КЛИНКИ, СОЗДАННЫЕ В АУЛЕ КУБАЧИ — НАСТОЯЩЕМ БРЕНДЕ РЕСПУБЛИКИ.

Из коллекции ГМБ, XIX век

ТРАДИЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Обязательный атрибут национального костюма. Фото: minkultrd.ru

Пожалуй, наиболее яркое определение дал Пушкин: «Свободы тайный страж, карающий кинжал, / Последний судия Позора и Обиды». Изготовление оружия, ювелирных украшений, подстаканников и других подарочных вещей еще в советское время было поставлено на поток. Продукция, которой наводнены нынешние сувенирные магазины, утратила первичные функции и перешла в сегмент «художественного оружия»: клинки больше не разят врага, а украшают стены и полки мирных граждан. По большей части эти экземпляры не отличаются разнообразием, довольно аляповаты. Конечно, и сейчас можно встретить штучные коллекционные образцы, поражающие тонкостью отделки, но они редки и дороги.

ВЛАСТЕЛИНЫ ВСЕЛЕННОЙ

«Талия перетянута кожаным поясом с металлическими украшениями, а у людей богатых и зажиточных с серебряным прибором. Спереди на поясе висит кинжал, у богатого оправленный в серебро, а у бедного без всякой оправы. Кинжал не снимался никогда, даже дома, сняв черкеску, горец опоясыва-

ет себя поясом с кинжалом поверх бешмета. Собираясь в путь, горец затыкает сзади за пояс пистолет, и набрасывает за плечо винтовку, завернутую в чехол. Каждый оборванный горец, сложив руки на крест или взявшись за рукоять кинжала, или опершись на ружье, стоял так гордо, будто был властелином вселенной. Движения горца быстры и ловки, походка решительная и твердая, во всем видны гордость и сознание собственного достоинства» (Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871).

Производством холодного, а позднее и огнестрельного оружия занимались семьи, роды и целые селения. Мужчины привлекали к работе детей с раннего возраста, женщины тоже помогали, шлифуя клинки, очищая ржавчину. В совершенстве каждый мастер владел обычно только каким-то определенным видом ремесла. Это давало возможность с максимальной быстротой производить различные работы и обеспечивать заработком больше людей. Оружейники изготавливали клинки и стволы, серебряники гравировали серебро и украшали его чернью, делали золотую насечку на кости, железе и стали. Как правило,

специализация была потомственной внутри одного рода. В Кубачи от нижней части аула до самой верхней крепостной башни располагались целые кварталы с мастерскими.

Мне посчастливилось пообщаться с одним из настоящих кубачинских оружейников, которых называют *бийху уста*. Сразу возникли вопросы: почему утрачиваются мастерство и традиции, произошел отказ от сложных техник декоративного оформления? Ведь Дагестан издавна считался кузницей всего Кавказа! Творцы прошлого по несколько лет создавали один шедевр. Техники изготовления и оформления кинжалов держали в тайне – у каждого мастера имелся свой почерк, стиль и секреты, их изделия невероятно высоко ценились, передавались по наследству. Отличие настоящего оружия от ширпотреба очевидно даже дилетанту.

Мой собеседник только высказал предположения: мир изменился, наступил век потребления и новых технологий. Раньше каждый начинающий оружейник или ювелир готов был годы учиться, выполнять черновую работу, подолгу отрабатывать определенный завиток, а сейчас молодые люди не желают тратить время, предпочитают

более простые и быстрые техники. Производство искусства превратилось в товар для скорой продажи, утративший сакральность ручного труда.

Еще одна причина – потеря прямой функции холодного оружия. Кинжал нес смерть и одновременно служил украшением мужчины наряду с поясом и газырями-пороховницами, демонстрировал социальный статус и честь. Поэтому о кинжале слагали легенды и песни, наделяли душой, приписывали охранительные, магические, целебные свойства. Сейчас для всего этого есть другие объекты.

Высоким качеством клинков, богатством и красотой отделки славилась изделия не только кубачинских, но и лакских и аварских оружейников и серебряников. В Государственном музее Востока можно полюбоваться на коллекцию кинжалов XIX – начала XX века, на их изящные хищные линии в разнообразных техниках с ювелирным мастерством, где чувствуется упоение орнаментом, глубокая культура мастера и особая эстетика форм и переплетений. Это и есть настоящая *билбунтунг гаче* – кубачинская чеканка.

Следует помнить, что дагестанцы – это не единый народ, а общее название около тридцати этно-

сов. У каждого из них помимо общих существовали и собственные традиции, в том числе в ремесле и прикладном искусстве. В горной части республики выделяют три крупных центра – даргинский Кубачи, лакский Кази-Кумух и аварский Унцукуль.

Кубачи величали аулом златокузнецов. На местном наречии он называется *Узбуг*, а жители – *узбуган*, то есть «губители людей». Персы именовали его *Зерихгеран* («царство кольчужников»). Кубачи – это уже турецкое название, означающее «делатели кольчуг». Старейший мастер Муса Кулиев передавал рассказ, услышанный им от прадеда: в давние времена персы, прослышав о кубачинском оружии, прислали тонкую как волосок стальную проволоку и предложили сделать такую же. В ответ пришла та же проволока, только просверленная насквозь, и записка: «Мы из такого толстого металла трубы делаем». Напоминает легенду о тульском Левше, но ведь теорию бродячих сюжетов никто не отменял! У этой истории есть и продолжение. Как-то персидский шах затребовал из Кубачи двух лучших бийху уста. Гордые горцы выполнять приказ отказались, но прислали в подарок сабли с насечками, причем одну особенную, выкованную из двух лезвий разных сортов. Клинок покрыли золотой насечкой с изречениями из Корана и сюжетными сценами, ножны украсили тончайшим растительным орнаментом золотой насечкой по черному вороненому железу. Эту саблю вместе с другими послали во дворец в особом футляре с резьбой по черноореховому дереву. На конце клинка было выгравировано: «Великому шаху от потомков тех зерихгеранов, которые просверлили персидскую стальную проволоку».

РАСЦВЕТ ИСКУССТВА

В соседнем с Кубачи ауле Амузги производили клинки для холодного оружия, а также бритвы, серпы, косы, топоры, подковы. В другом близлежащем селении Харбук делали огнестрельное оружие. Жители обоих аулов продавали свою продукцию кубачинцам, которые заказывали ее для дальнейшей отделки. Сохранились рассказы стариков о добыче и обработке металла из местной руды. Ее месторождение находилось недалеко от еще одного соседнего села Чумли, в ущелье Хьябкьойла Катала. Здесь у скал стояли самодельные

каменные печи. Старинные кузнецы умели выплавлять многие сорта стали. При ковке они вели различные процессы: рубку, вытягивание, скручивание, штамповку.

В паре километров к востоку от Кубачи, в местности Къубассанила есть гора Кайдашла Муда. Там среди леса находится пещера Мячубадила, проход в нее ведет по узким крутым тропинкам. По всей видимости, здесь располагалась самая первая кузница кубачинцев. Старики говорят, что в ней работали кровники, изгнанные за преступление и не имевшие права приближаться к аулу.

Чтобы получился клинок, материал должен пройти тринадцать последовательных стадий обработки. Каждый бийху уста обладал своими секретами производства. Многие зависели от качества покупной стали, которой огибалась железная болванка кинжальной формы в самом начале процесса. Материалом для заготовок не только в Амузги, но и в других дагестанских селениях могли служить ножи, вышедшие из употребления, а в XIX – начале XX века нередко использовали сточенные напильники и даже пружины вагонных буферов. Брали сталь трех сортов разной степени крепости, тонкие пластины выкладывали, чередуя в определенном порядке, несколько раз ковали и прокаливали. Затем постепенно сваривали железо и сталь, выковывали холодным способом стержень рукояти, создавая облик кинжала, выстругивали доли-желобки. Затем клинок обтачивался, прокаливался, шлифовался камнем и чернился купоросом, окончательно полировался специальными деревяшками. Особые требования предъявлялись к закалке. Для твердости и гибкости изделия опускали в керосин, аммиак или нефть. Считалось, что закаленный в воде клинок мог быть слишком ломким.

Кубачинским мастерам были одинаково знакомы железо и медь, серебро и золото. Некоторые способы обработки заимствованы из Персии, Индии, Малой Азии, Европы. Особое внимание уделялось украшению ножен и рукоятей. Использовались вороненое железо, кость, рог, перламутр, эмаль, дерево, кожа. Кинжалы украшались чеканкой по серебру, позолотой, насечкой, чернью, зернью, филигранью. Отделка требовала от бийху уста большого умения и художественного вкуса. В декоративном оформлении кинжалов

и шашек XVIII и первой половины XIX века чаще всего применялась серебряная насечка по железу. К XIX веку стала высоко цениться техника золотой насечки по железу и кости. Эта работа отличалась кропотливостью и трудоемкостью. Мастер резцом наносил рисунок по металлу, затем по линейному контуру узора проходилась граненым острием, делая точечные заусенцы, сглаживал их слегка и вбивал в узор проволоку из золота или серебра. Затем закреплял драгоценный металл, полировал, украшал детали рисунка гравировкой, воронил фон. Воронение происходило путем нанесения на металлическую поверхность масла или жира и последующего нагревания. В результате металл приобретал синеватый блеск, а также был в меньшей степени подвержен коррозии.

До середины XIX века в орнаменте преобладали профильные 3–5-лепестковые розетки на стеблях, сложные бутоны с вытянутым средним лепестком, ромбы с цветами, звездчатые розетки, трехдольные удлинённые листья. Затем наступил расцвет кубачинского искусства, когда, собственно, и оформилась упоминавшаяся выше билбунтунг

гяче (чеканка). Создавались сложнейшие композиции, в которых сочетались несколько видов типичного орнамента. При большом разнообразии и насыщенности декоративного убранства всегда сохранялась ясность композиционной схемы, логика построения рисунка и его деталей, пластичность трактовки орнаментальных форм. Билбунтунг гяче отличается узором путем выбора фона и пластической доработкой полученного рельефа. Подобная техника использовалась также мастерами резьбы по камню. В виде вставок среди серебряных чеканных деталей применялась инкрустация золотом по слоновой кости (техника *бичибзиб гяче*).

В оружии середины XIX века каждая деталь орнамента отрабатывалась дополнительной гравировкой, отчего она становилась богаче, пластичнее и более ясно читалась на фоне, который, в свою очередь, играл существенную роль в общей композиции узоров. Для украшения применялась зернистая филигрань *люссинхъуваллаг гяче* – мелкие золотые или серебряные шарики, напаянные на поверхность ножен и рукояти. Иногда в серебро заключали только концы ножен, контрастно выделявшиеся на фоне

Кубачи – аул «глубителей людей». Фото: Расул Куртаев/tourister.ru

черной кожи, в других случаях кинжал полностью оправляли в серебро.

Рукояти из плотного абрикосового дерева или рога буйвола только частично отделывали металлом. Мастер тщательно и детально разрабатывал лицевую серебряную поверхность глубокой прочеканенной гравировкой с чернью.

Кубачинские оружейники использовали несколько сочетающихся друг с другом мотивов и видов орнамента, в большинстве своем растительного. Основными и особенно характерными были *тутта* и *мархарай*. Самой трудной и наиболее ценимой кубачинцами считалась композиция тутта – «ветвь» или «дерево», образ мирового древа. В ее основе – принцип строгой симметрии. Это большей частью вертикальное построение, в котором действительная или воображаемая ось делит орнамент на равные половины. Простейшую основу тутты составляет стебель с одинаковыми, симметричными боковыми веточками, на которые нанизаны цветочные головки, медалыоны-тамги, листочки.

Принцип *мархарай* («заросль»), наоборот, отрицает симметрию. Это свободно развивающееся построение. Множество завитков и спиралей, не имея общего стержня, переплетаются друг с другом, заполняя пространство любой формы. С обоими типами орнамента часто сочетается *тамга* – крупный медальон с замкнутым контуром, ведущий свое происхождение от родового знака. Внутреннее поле в нем чаще заполнялось множеством мелких завитков, головок, листочков, а узкий пояс композиции *лум* в виде цепочки S-образного растительного орнамента создавал особую ритмичность и завершенность всей композиции.

Кубачинцы использовали и заимствованные мотивы. Так, на оборотной

Золотая насечка.
Из коллекции ГИМВ, XIX век

стороне кинжалов и шашек можно встретить орнамент *москов-накыш* – «московский узор». Это ветка или букетик асимметричного строения, украшенный головками в форме цветов и шишек или хвои кедра. Классический кубачинский орнамент дополнялся и адыгскими мотивами – *черкес-накыш*. Каждый мастер старался создать свои варианты, что приводило к возникновению новых форм. Часто орнамент, созданный на основе мархарая и тутты, приобретал новое название, созвучное с именем создателя. Например, известный *Туку Абакара* назван по имени крупнейшего мастера начала XX века Абакара Тукуева.

Помимо растительного и в меньшей степени геометрического орнамента кубачинские оружейники использовали изображения птиц и животных. Кроме стилизованных фигурок, вплетенных в общий рисунок на плоскости ножен или оборотной стороне, в навершиях рукоятей встречаются головки птиц, змей, собак или коней. Зооморфные детали создают неповторимый образ оружия, словно обереги, наполненные древним магическим смыслом, призванные охранять владельца.

РАСЦВЕТ КОММЕРЦИИ

В конце XIX – начале XX века кубачинские бийху уста переключились на производство парадного, очень дорогого заказного оружия с множеством позолоты, золотой насечки по кости, железу и даже эмали. Наступал первый период эпохи потребления и моды. Кавказская война закончилась, и многие штабные крысы и даже гражданские штафирки считали престижным иметь романтические кинжалы и шашки. Великолепные предметы были собственностью и русских царей.

Обработка булата. Фото: Раян Куртаев/fourister.ru

умельцы стали возить туда свои, а также персидские, турецкие, египетские изделия, а когда настоящий антиквариат иссяк, взялись за изготовление имитаций старинного оружия, металлических подсвечников, блюд, кувшинов.

Но бийху уста все-таки истинные мастера. Они создавали прекрасные копии посредством глубокого травления кислотой, композиции червонным золотом на лезвиях клинков, тонко отделанных золотой и серебряной насечкой. Изображения человеческих фигур, всадников, львов, слонов, сцен охоты переплетались со сложнейшими орнаментами. Готовые вещи зарывали в унавоженную землю, чтобы они покрылись патиной. Искусство копирования было столь высоким, что мастерам даже не требовалось видеть подлинники, в работе проявлялось столько творческой самостоятельности и фантазии, что, по существу, их произведения можно считать своеобразными оригиналами. В Париже они стоили дорого.

Как и всякое проявление человеческого гения, деятельность кубачинских мастеров обрастала легендами и преувеличениями. Не счесть рассказов о том, сколько денег вывалили французские и английские богачи за имитации персидских раритетов, сколько их хранится в самом Лувре. Правда заключается в том, что многие сработанные под антик клинки, хранящиеся у самих кубачинцев и частных коллекционеров всего мира, и есть самостоятельные шедевры. Даже с технической, не художественной точки зрения. Например, применявшийся только в Кубачи способ крепления серебряной инкрустации и других элементов орнамента превосходит образцы средневекового искусства Ближнего Востока. А по красоте и тонкости изделия ни в коем случае не уступают оригиналам.

В давние времена в этом славном ауле существовал совет бийху уста. К определению качества созданной вещи подходили со всей строгостью. Часто возникавшие споры решали просто: мастерам давали одну и ту же работу, затем определяли победителя. Наиболее искусный получал не только материальную награду. Главнее то, что лучшие становились гордостью аула, рассказы о них превращались в легенды, а слава переходила из поколения в поколение. **ЧМ**

Александр III заказал кубачинцам набор холодного оружия в подарок английской королеве Виктории, и этот набор до сих пор составляет гордость музея Виктории и Альберта в Лондоне.

Период 1905–1914 годов в Кубачи называется «драгунским временем». Почти все мастера включились в производство снаряжения для драгунских полков, которые носили кавказскую форму. Делали штыки, кинжалы, пояса, газыри. Для генералов и офицеров предназначались шашки, сплошь покрытые серебром с чеканкой и глубокой гравировкой, для солдат – ножны с серебряными накладками на штапованную овечью кожу. Орнаменты «драгунского времени» более дробны, мелки, статичны.

Ажиотаж вокруг кавказского оружия породил и целое направление – создание фальшивых раритетов. Кубачинцы издавна путешествовали в далекие края, привозили художественные изделия для своих коллекций, так как традиционно в сакле горца целая стена с нишами и полками отводилась под самые красивые предметы собственного изготовления и купленные. К XX веку кубачинцы обнаружили, что восточные диковины высоко ценятся в Европе, особенно во Франции. Предприимчивые

ARS
LONGA

ВОЛНЫ КАТЯТСЯ НА БАКУ

КАК АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ
СТОЛИЦА ПЕРЕЖИВАЕТ
ПЕРИОДЫ РЕНОВАЦИИ

НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВА

**В ЭТОМ ГОДУ БУДЕТ ЗАВЕРШЕНА РАЗРАБОТКА ВТОРОЙ ФАЗЫ
ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА ЗАСТРОЙКИ БАКУ. ПЛАН РАЗРАБАТЫВАЕТ
НЕМЕЦКАЯ КОМПАНИЯ AS+P, КОТОРАЯ ПОЛУЧИЛА ЭТОТ ЗАКАЗ ПО ИТОГАМ
ПРОВЕДЕННОГО В СТОЛИЦЕ АЗЕРБАЙДЖАНА КОНКУРСА.**

Немецкое бюро специализируется на крупных урбанистических проектах, оно готовило комплексные решения для самых разных городов, от Мюнхена и Кельна до Каира и Стамбула. В новый генеральный план заложены принципы полицентричности, развитие дорожно-транспортной сети, регулирование застройки. Второй этап рассчитан до 2040 года и продолжит системное развитие города, которое ведется уже более 10 лет и захватывает районы центра, а также набережную Каспийского моря и бывшие промышленные территории, занятые в прошлом нефтеперерабатывающими производствами. Необходимость такого генерального плана и систематизации перспективного развития Баку стала очевидна еще в начале XXI века с бурным экономическим ростом страны, и сейчас этот план приобретает все более конкретные очертания.

ПЕРЕУПЛОТНИЛИСЬ

Столицей губернии Баку стал лишь в 1859 году, после сильного землетрясения в городе Шемахе, когда решено было не восстанавливать руины и перенести столицу. С этого времени началось активное развитие и застройка города, хотя поселение на этом месте существует уже более двух ты-

сячелетий. Застройка велась стихийно, и к тому же Баку быстро стал крупным промышленным центром, что усугубило ситуацию. Поэтому первый генеральный план появился еще в 1870-е годы. Еще тогда, помимо упорядочивания застройки и строительства общественных зданий – школ, больниц и пр., большое внимание уделялось озеленению, поскольку специфика сухого и ветреного климата Баку не дает появляться зелени без серьезных человеческих усилий.

Второй этап развития и совершенствования городской среды произошел в советское время, когда Баку прошел все традиционные для советского города стадии от конструктивизма и сталинской застройки в центральных районах до массового строительства типового жилья в спальнях районах в 1970-е годы. При этом несколько кварталов малоэтажной застройки, сформировавшихся еще в конце XIX века вокруг Старого города, оставались практически нетронутыми и застраивались так же хаотично, как и в период первого строительного бума. Поэтому сегодня Старый Баку – это не только кварталы Ичери Шехер внутри крепостных стен, но и несколько довольно крупных районов вокруг, где среди плотной невысокой застройки встречаются и добротные дома конца XIX века, и неказистые самострои, возведенные уже в наши дни.

Центральная средневековая часть исторического центра Баку была реконструирована и отреставрирована в первую очередь, когда на фоне больших нефтяных денег Азербайджан готовился к приему масштабных международных мероприятий, от Евровидения в 2012-м до Европейских игр 2015 года. В это же время стали бурно расти многоэтажные новостройки в престижных районах города, а темпы прироста населения ускорились, появились пробки.

Тогда и назрела потребность в разработке нового генерального плана застройки и упорядочивания строительных процессов в новых экономических условиях. К первому этапу реновации Баку подошел с теми же проблемами, что и Москва, – недостаток общественных пространств, переуплотненная и хаотичная застройка, пробки, изношенные коммуникации. Первая очередь комплексной реконструкции коснулась районов малоэтажной застройки в центре. Расположенные совсем неподалеку от крепостных стен кварталы Кубинка и Советский представляют собой прямоугольную сеть узких улочек и лабиринт дворики за невысокими фасадами домов, сформировавшуюся еще в XIX веке, когда Баку застраивался по простейшему принципу военных поселений. Советский в XX

веке пользовался дурной славой и одновременно служил местом бойкой торговли недоступными простым советским гражданам товарами.

На рубеже XX–XXI веков район был приведен в относительный порядок с точки зрения безопасности, но стал преградой для бурного роста автомобильного движения быстро развивающегося Баку. Ширина дорог в этих кварталах составляла 2–3 метра, так что здесь не могли разъехаться две машины, а пешеходам приходилось вжиматься в стены.

Проект сноса старых домов района Кубинки появился в 2009–2010 годах. Генеральный план, по которому проводился снос зданий в районе бывшей улицы Советской, разработали в 2011-м. На месте большей части реконструируемых кварталов было запланировано разбить обширную зеленую зону, построить социальные объекты, а главное, проложить новые дороги. Реализация проекта началась со строительства Зимнего бульвара на месте кварталов Кубинки, появление которого было заложено еще в конце 1980-х годов, но реальные работы начались только 10 лет назад.

Снос старых городских кварталов Советского начался в 2013 году. Жителям сносимых домов предлагалась денежная компенсация. Размер компенсации за сносимое жилье был определен в размере

Мечеть дворца ширваншахов. Фото: dreamstime.com

1,5 тысяч манатов за 1 квадратный метр жилой площади. Некоторым семьям, не согласившимся на компенсацию, предложили переехать в другие квартиры, но часто предложенное жилье находилось на окраине города. Поэтому процесс расселения шел и идет до сих пор не так быстро и просто, как было запланировано чиновниками. В тех районах, которые пошли под обновленную жилую застройку, семьям на время реконструкции предоставляли съемное жилье, а затем переселяли в новые дома, которые были построены на месте снесенных. Не все жители довольны размером компенсации, особенно после того, как в 2015-м произошла существенная девальвация: стоимость метра в долларовом эквиваленте опустилась примерно с 1920 манатов в 2013 году до 840 в конце 2016-го. По их мнению, это сумма недостаточная, так как квартиры в новых домах стоят в два-три раза дороже, но это жилье совсем другой категории, поэтому трудно оценивать реальную стоимость сносимого и нового жилья.

Проблема часто и в том, что старые районы застраивались хаотично, без какого-либо плана, десятилетиями надстраиваясь. И зачастую у лю-

дей, имеющих в старом фонде квартиру в 100 квадратных метров, были официально оформленные документы только, к примеру, на 30 или 50, за которые они и получали при сносе государственную компенсацию. Поскольку на месте большей части снесенных домов будут не новостройки, а дороги и озеленение, Зимний бульвар и Центральный парк, возникает конфликт личного с общественным. Как всегда в случае больших проектов, на одной чаше весов экологические плюсы, новые красивые парки и широкие дороги, а на другой – выселяемые из кварталов люди, не всегда довольные суммами компенсации и условиями переселения. Как пишут государственные СМИ, «права людей нужно уважать, но нереальный подход в вопросе компенсаций может надолго затормозить важный государственный проект, а от этого проиграет весь город».

БАНЯ «ФАНТАЗИЯ» И ДРУГИЕ

В этом принципиальное отличие от московской реновации. Если в российской столице снос старых пятиэтажек производится для улучшения жилищных условий и обновления жилого фон-

Заха Хадид

Йенс Хоффман

Фото: Дмитрий Терновой

Фото: Kathryn Dike

Зимний бульвар. Фото: dreamstime.com

да, то в азербайджанской снос старых кварталов (колоритных, но сильно уступающих в комфортности проживания и внешнем виде даже нашим районам застройки «хрущевок») проводится для улучшения облика всего города и его общей комфортности. Снос неприглядных кварталов в центре с последующим благоустройством должен был создать новый респектабельный образ успешного, современного города, развивающегося в русле мировых градостроительных тенденций. Эту же представительскую функцию выполняют такие знаковые для города постройки, как небоскребы Flame towers и Центр Гейдара Алиева, созданный по проекту знаменитой Захи Хадид.

Еще один болезненный вопрос в реализации больших проектов реконструкции – памятники истории и культуры, которых немало в Баку и за пределами Старого города. Например, на Советской снесено 21 историческое здание и 2 памятника культуры, которые находились в списке исторических объектов недвижимости местного значения. После решения мэрии здания были исключены из культурного реестра. Это, например, бывшие бани Гаджи Фараджуллы, жилой

«Дом мусаватистов», старая водонапорная башня. Все эти они относятся к концу XIX века.

Но есть и примеры сохранения исторической среды даже в условиях тотальной расчистки территории. При прокладке нового Зимнего бульвара на 10 метров передвинули дом постройки 1908 года, чтобы расширить бульвар и проезжую часть. Здание принадлежало нефтяному магнату Гаджинскому, является памятником архитектуры, а сейчас это обычный жилой дом. Кроме того, еще в 2010 году был утвержден список памятников истории и культуры, подлежащих сохранению на реконструируемых территориях, среди которых много общественных объектов: Центральная скорая помощь, Институт археологии и этнографии, кинотеатр «Азербайджан», школы, Дом офицеров, церковь святого Григория, баня «Фантазия» и многое другое.

Зимний бульвар был открыт в 2013 году. Помимо эффектного, столь важного для Баку озеленения, в районе появилось современное уличное освещение, удобные автобусные остановки, пешеходные дорожки, подземные переходы. Второй очередью благоустройства стал Центральный парк, открытый в 2019 году. Он был спроектирован австрийским архитектором Йенсом Хоффманом и представляет собой зеленый оазис, возведенный между автотрассами и новостройками.

Одной из ключевых планировочных задач проекта Центрального парка было сделать так, чтобы пешеходы могли беспрепятственно передвигаться на территории от проспекта Наримана Нариманова до дворца Гейдара Алиева, не переходя автомобильных дорог. Для решения этой транспортной проблемы архитектор перекинул над автомобильными магистралями стеклянные мосты, соединяющие участки парка. Общая территория парка – 20 гектаров, здесь есть детские аттракционы, спортивные площадки, шезлонги и беседки для игр в шахматы и нарды, что, кстати, до сих пор остается распространенной уличной традицией бакинцев. Есть также площадки для катания на велосипедах и скейтбордах и большой фонтан перед мечетью Тезе Пир. Есть здесь и исторические достопримечательности – это колодцы, которые использовались в прошлом веке. Они были обнаружены в ходе благоустройства территории, их сохранили и отреставрировали. **ЧМ**

ARS
LONGAИДУЩИЕ
ВПЕРЕДИНЕНЦЫ – ОДИН ИЗ
САМЫХ ЗАГАДОЧНЫХ
НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ
АРКТИКИМИХАИЛ БРОНШТЕЙН,
БРАЙАН АЛЕКСАНДЕР (ФОТО)

Брайан Александер. «Сквозь снега и льды»

Брайан Александер. «Приближается пурга»

ПОЯВЛЕНИЕМ ЭТИХ ЗАМЕТОК Я ОБЯЗАН ИЗВЕСТНОМУ ФОТОХУДОЖНИКУ И ПУТЕШЕСТВЕННИКУ БРАЙАНУ АЛЕКСАНДЕРУ. БРАЙАН ПРИСЛАЛ МНЕ СВОИ ФОТОГРАФИИ ОЛЕНЕВОДОВ ЯМАЛА.

Они оказались настолько созвучны моим воспоминаниям о собственных поездках в тундру на левобережье Енисея, что вместо задуманной было «академической статьи» об истории и культуре ненцев я написал комментарии к работам моего доброго знакомого из Великобритании.

СКВОЗЬ ПОЛЯРНУЮ НОЧЬ, МОРОЗ И ПУРГУ

Эту фотографию Брайан сделал в разгар зимы, когда в краях, где живут ненцы, подходит к концу полярная ночь. Во второй половине января небо в дневные часы заметно светлеет, и в его южной части появляется оранжевая полоска – предвестница солнца. На фотографии оленеводы – женщина и двое мужчин. Их лица обращены в сторону рассвета. Приглядевшись, видишь поземку. Ветер срывает с наста снег и несет его по *застругам* – оледеневшим снежным наростам. За поземкой обычно

следует пурга, и тогда исчезает граница между землей и небом, между снегом, что лежит под ногами, и белыми хлопьями, которые летят на тебя со всех сторон. На Ямале, Полярном Урале, в гыданской тундре да, пожалуй, повсюду, где кочуют ненцы со стадами оленей – от Кольского полуострова на западе до Таймыра на востоке, – морозы в пургу не ослабевают, и столбик термометра даже в снежный буран может остаться на отметке -40° .

Что помогает ненцам выжить в этих суровых краях? Что вообще привело их в высокие широты?

В поисках ответа на первый вопрос вспоминаю стойкость ненцев, умение переносить холод и завидное трудолюбие. В тундре они постоянно заняты делом. Мужчины окарауливают стадо, рыбачат, охотятся. Женщины топят печки, готовят еду, шьют одежду, присматривают за детьми, а нередко вместе с мужьями пасут оленей, ловят рыбу. Вспоминаю гостеприимство тундровиков. Как этнограф я понимаю: ключ к ненецкому национальному характеру –

Брайан Александер. «Каюк Валя Сэрэтэто. Лето на Ямале»

в традиционной культуре народа, в сложившихся за сотни лет способах адаптации небольших человеческих сообществ к экстремально жесткому климату Крайнего Севера.

На фотографии Брайана запечатлен ряд компонентов этой «адаптивной стратегии». Традиционным ненецким домом является чум. Деревянные шесты, поставленные под углом друг к другу, образуют его каркас. К шестам привязаны *нюки* – полотнища, сшитые из оленьих шкур. В холодное время года их два: нижний обращен мехом внутрь, верхний мехом наружу. Воздушная прослойка между нюками помогает удерживать тепло. Источником тепла был изначально костер, горевший в центре жилища. Позднее у ненцев появились железные печки. Печку тоже ставят в центр чума, а трубу выводят в отверстие между верхушками шестов, куда выходил когда-то дым от костра.

У чума есть два несомненных преимущества перед постройками из бревен. Его можно быстро разобрать, погрузить на оленью нарту, перевезти на другую стоянку, к новому пастбищу для оленей и за считанные часы построить вновь. Благодаря конусовидной форме чум очень устойчив. Не

было случая, чтобы самый сильный шквалистый ветер повалил это не столь уж прочное, на первый взгляд, «архитектурное сооружение».

Одежду ненцев, о которой дает представление фотография стойбища, также следует отнести к числу настоящих изобретений. Конструктивно она во многом повторяет кочевое жилище северян: те же оленьи шкуры в два слоя. На мужчинах подпоясанные ремнями *малицы*. Малица – по-ненецки *мальця* – длинная рубаха глухого покроя. Шьется она мехом внутрь. У малицы есть капюшон и рукавицы, пришитые к рукавам. От механических повреждений ее кожаную поверхность защищает «сорочка» из ткани. А если мужчине в холодное время года нужно отправиться на оленях в дальний путь, он надевает на малицу сшитый мехом наружу *совик*. У совика тоже есть капюшон и пришитые к рукавам рукавицы, и, так же как малица, он не имеет разреза.

Женская одежда распашная (считается, что женщины бывают под открытым небом меньше мужчин), но тоже очень теплая. Женская парка, *ягушка*, это фактически не одна, а две шубы: нижняя мехом внутрь и верхняя мехом наружу.

На ногах тундровиков высокие *пивы*. У них в прямом смысле слова двойное дно: внутри меховых сапог стельки из сухой травы и сшитые тоже из меха чулки – *тобаки*.

В прошлом малицы и парки надевали на голое тело. Жесткий олений волос, соприкасаясь с кожей человека, растирал ее не хуже махрового полотенца. Позаимствовав у русских нижнюю одежду из ткани, ненцы обувь по-прежнему надевают на босую ногу. Если наденешь *тобаки* на носки – замерзнешь. Поступишь, как предписывает традиция, – все будет в порядке (проверено на собственном опыте).

Еще одно изобретение северян, которое мы видим на фотографии, – оленьи нарты. Но разговор о них, конечно же, об оленях, без которых ненцы не мыслят своего существования в тундре, продолжим, рассматривая другую фотоработу Брайана Александера.

«ОЛЕНИ – ЭТО ТАКИЕ ЛЮДИ...»

«Бабушка Яхане ведет аргиш» – так назвал эту фотографию, очень красивую по цвету и композиции, ее автор. Сделана она в Ямало-Ненецком ав-

тономном округе во второй половине марта. В тот год Брайан провел в оленеводческой бригаде несколько месяцев. Вместе с ней он аргишил с зимних пастбищ на летние, из лесотундры уральских предгорий к берегам Карского моря в северной части полуострова Ямал. (Ненецкое слово *аргиш* означает «санный поезд», а русское «аргишить» – «кочевать на оленях по тундре» – производное от него.) Подобные многокилометровые переходы оленеводы совершают два раза в год, поскольку зиму проводят в лесотундре, где нет проблемы с дровами, а летом уходят в «голую тундру», поближе к Ледовитому океану. Морской ветер «сдувает» комаров и гнус, от которых страдают не только люди, но и олени.

На фотографии мы видим грузовые нарты, вытянувшиеся в цепочку, и бредущих за ними оленей. Управляет передними санями пожилая ненка в длинной, до пят, парке – Бабушка Яхане. В руках у нее *хорей* – тонкий длинный шест, которым погонают упряжку.

От Брайана я узнал, что их «санному поезду» предстояло преодолеть Обскую губу – залив, где

Брайан Александер. «Бабушка Яхане ведет аргиш»

Брайан Александер. «Отец и сын мастерят нарты»

в Карское море впадает Обь, и пройти по льду 60 километров. Сложным маршрут оказался уже в самом начале, когда стали спускаться на лед по крутому склону. Старая Яхане, чаще других кочевавшая в этих местах, сошла с нарт и сама повела оленей.

Олени для ненцев – источник жизни: жилище, одежда, транспорт и, разумеется, пища. Едят оленину вареной и сырой. В сыром виде она может быть замороженной или парной. Замороженное мясо нарезают тонкими ломтиками, «строгают» (отсюда русское «строганина»). Парной оленину едят в дни забоя оленей. Проходит он, как правило, в ноябре. На Таймыре такую еду называют *согудай*, на Ямале – *айбат*. Мне приходилось пробовать ее и запивать еще теплой оленьей кровью. Было это давно, но я хорошо помню, как согревала и восстанавливала силы эта нехитрая трапеза. Для коренных жителей Крайнего Севера употребление в пищу сырого мяса и свежей крови оленей – надежное средство в борьбе с цингой.

С оленями связаны у ненцев многочисленные предания. Удивляться этому не приходится еще и потому, что это очень умные животные. Пожилые тундровики, которых я расспрашивал

о повадках оленей, часто начинали свой рассказ словами: «Олени – это такие люди...». И, конечно, олени великие труженики. Они возят нарты днем и ночью, в мороз и пургу, зимой по заснеженной тундре и летом – по тундре, утопающей в траве. В том, что на оленях ездят летом, легко убедиться, перевернув очередную страницу в составленной Брайаном фотолетописи ненецкой жизни.

Умению управлять оленями учат с раннего детства как мальчиков, так и девочек. Еще выше котируется у тундровиков искусство изготовления нарт. Назвав подобное ремесло искусством, я не покривил душой. Изготовить настоящие нарты очень непросто. В 2017 году в окрестностях Надыма Брайан стал свидетелем того, как изготавливали нарты Сергей Сэротэтто и его сын Лёва. Строили, как в старину, из лиственницы, без гвоздей. Особенность ненецких нарт – высоко загнутые полозья, чтобы сани легче скользили по снегу и траве. Что сделали надымские мастера, чтобы придать полозьям такую форму, хорошо видно на снимке.

Судя по конструкции этой нарты, предназначалась она для мужчины. Женские сани иные. Они больше мужских, поскольку женщина часто едет

не одна, а с маленькими детьми. Есть у ненцев и грузовые нарты, причем тоже разных типов: для перевозки продуктов и домашнего скарба, для шестов и покрышек чума, для дров. Конечно, в наши дни, когда в быт оленеводов прочно вошли снегоходы, старые традиции ослабевают, но, к счастью, не исчезают бесследно.

ХРАНИТЕЛИ ТРАДИЦИЙ

Эту женщину Брайан сфотографировал в августе 2019 года на Гыданском полуострове. Снимок сделан в чуме – его шесты видны за спиной пожилой ненки. На тундровичке старенькая парка. Олений мех стерся во многих местах, и песок, которым оторочен воротник, тоже изрядно поношен. Говорит ли это о бедности? Не уверен. У ненцев нет традиционной летней одежды. Летом оленеводы носят ту же одежду, что зимой, но не новую, а прослужившую уже достаточно долгий срок. Объясняется это рациональностью северян. Зачем забивать лишних оленей на одежду из замши, когда можно надеть старые малицы и парки? Да и слишком оно короткое, северное лето.

Брайан Александер. «Хранительница традиций»

Героиню фотокартинки Александер застал за работой. В ее натруженных руках кусочек новой, только что выделанной песцовой шкурки. Вероятно, это опушка для шапки, которую вскоре наденет кто-то из малышей. В ненецких стойбищах их можно увидеть часто. Дети оленеводов живут в тундре до той поры, пока ребятишкам не исполнится шесть-семь лет и их не заберут у родителей в школы-интернаты.

Гыдан расположен на северо-востоке Ямало-Ненецкого округа, далеко за Полярным кругом. Долгое время он был почти не затронут индустриальной цивилизацией. Сегодня ситуация иная. Огромное Ямбургское месторождение газа и нефти находится неподалеку от полуострова, да и в самой гыданской тундре скоро начнут добывать газ. По мнению экологов, этому заповедному краю грозит загрязнение отходами добывающей промышленности, как это, к сожалению, произошло во многих районах российского Севера.

В наши дни на Гыдане кочуют десятки оленеводческих семей. Здесь по-прежнему чтут старые традиции. Больше того, с исчезновением плановой экономики ненцы все чаще возвращаются к старому принципу, который тоже является компонентом их стратегии выживания в Арктике – не брать у природы лишнего, то есть брать только то, что нужно тебе в данный момент.

Хранителями традиций являются главным образом пожилые люди, мужчины и женщины, к которым ненцы относятся с равным уважением. Но помнят заветы предков не только старики. К разряду «хранителей» я бы причислил всех, кто стремится сохранить культурное наследие прошедших эпох.

Мне повезло. Я не раз встречал подлинных знатоков ненецких традиций. Поэт и собиратель фольклора Любовь Ненянг познакомила меня с бытом оленеводов Таймыра. Когда спустя годы я сдружился в Дудинке с резчиком по оленьему рогу Александром Сигунеем, меня поразила точность созданных им образов. Изображая своих соплеменников, он так достоверно передавал антропологические черты ненцев, характерную для них пластику движений, особенности национальной одежды, что я снова почувствовал себя в таймырской тундре. Схожие чувства испытывал

я, разглядывая в Салехарде работы моих друзей, художников Виктора и Инны Ядне.

Хранителем традиций самобытной культуры ненцев является, несомненно, и британский фотограф Брайан Александер. С 1993 года он часто приезжает на Ямал и подолгу живет в оленеводческих бригадах. Фотоработы, созданные за эти без малого тридцать лет, – источник, дающий представление о самых разных аспектах ненецкой жизни. Источник, объективно зафиксировавший тяжелый труд и скромный быт этих мужественных людей, донесший до нас обаяние их лиц, красоту окружающей их природы. Я уверен, с годами ценность фотографий Брайана бу-

дет возрастать и, возможно, в первую очередь для тех, кто живет в высоких широтах. В частности, для девочки в нарядной шубке из белого оленьего меха. Мы видим ее на снимке рядом с фотохудожником из Великобритании. Сфотографировала их Ольга Гоголева – россиянка, переводчик с английского, которая многие годы сопровождает Брайана в поездках по нашему Крайнему Северу.

Недавно в Москве, в Государственном музее Востока с большим успехом прошла персональная выставка Александра. После ее завершения Брайан и Ольга создали «передвижную версию» фотогалереи, и сейчас она уже на Ямале.

Ольга Гоголева. «В лесотундре Ямала: Брайан и одна из его добрых знакомых»

Брайан Александер. «С зимних пастбищ на ленте: Стойбище перед началом кочевья»

КАК ВСЕ-ТАКИ ЭТО БЫЛО?

Завершая заметки, вернусь к вопросу, заданному в начале: «Что привело ненцев в высокие широты?».

Историки, лингвисты, этнографы полагают, что предками ненцев были древнесамодийские племена, населявшие предгорья Алтая и Саян, охотники на диких оленей. Летом животные уходили на север, и люди, продвигаясь за ними, осваивали новые земли. Когда начался этот процесс? Как много времени понадобилось самодийцам, чтобы достичь Заполярья? Сколько было переселенческих волн – две, три или больше? Ученые придерживаются различных точек зрения.

Нет единого мнения и о том, где и когда пещерные охотники приручили оленей. Оленеводство в корне изменило их культуру, значительно ускорило продвижение первобытного человека по тайге и тундре. Долгое время считалось, что произошло это на юге Сибири полторы тысячи лет назад, но недавние археологические открытия в окрестностях Салехарда позволили выдвинуть другую гипотезу. Родиной оленеводства мог быть Крайний Север, а временем появления – рубеж нашей эры.

Нет однозначных ответов у исследователей ненецкой культуры на множество других вопросов. В частности, почему, оказавшись в высоких широтах, ненцы не осели в одном ареале, а в отличие от других самодийцев расселились на тысячи километров вдоль Полярного круга? Почему они стали *ясавай* – «идущими впереди»?

Ясавай называют ненцев и сегодня. Это самый большой из 40 коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Их не менее 45 тысяч. По меркам умеренных широт – совсем немного, но численность большинства северных этносов измеряется всего несколькими тысячами человек. Ненцы активнее других северян осваивают информационные технологии XXI века. Среди фотографий, сделанных Брайаном, есть снимки «оленных людей» с ноутбуками в руках. Но это уже другая история...

В заключение еще один фотоэпизод Брайана Александера. Стойбище готовится к перекочевке. На пороге весна, и оленеводам предстоит долгий переход на север. Пастухи подогнали стадо к жилищам. Вскоре поймают арканами ездовых оленей, разберут чумы, выстроят в ряд нарты. Затем старейшина даст команду, и аргиш идущих впереди тронется в путь. **ЧМ**

СПАСАЯ КАЗАНЬ

КАК КНЯЗЬ ХОВАНСКИЙ БОРОЛСЯ С МОРОВЫМ ПОВЕТРИЕМ

ЮРИЙ ЭСКИН

Эпидемия чумы в Москве. Гравюра Теодора-Луи Девиллы

МОСКВА. 1888. Б.

Вид на Кремль XVII века

В ИСТОРИИ РОССИИ ЭПИЗОД СРЕЛЦЕЦКОГО БУНТА 1682 ГОДА ОСТАЛСЯ ПОД НАЗВАНИЕМ *ХОВАНЩИНА* ПО ИМЕНИ ОДНОГО ИЗ ПРЕДВОДИТЕЛЕЙ КНЯЗЯ И БОЯРИНА ИВАНА АНДРЕЕВИЧА ХОВАНСКОГО. ЭТО БЫЛ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ДАЖЕ ПО МЕРКАМ НЕСПОКОЙНОГО XVII ВЕКА ПЕРИОД, КОГДА РАЗВИТИЕ СТРАНЫ МОГЛО ПОЙТИ ПО ДРУГОМУ ПУТИ, НЕ СТАНЬ ПЕТР I ЦАРЕМ.

Однако многочисленное знатное семейство Хованских выдвигало из своих рядов не только честолюбцев. Были среди них и настоящие государственные мужи, радеющие за благополучие России и отдавшие жизнь ради нее, а не власти. Это Иван Никитич Хованский (? – 1656), двоюродный брат Ивана Андреевича, воевода Казани во время еще одного несчастья, обрушившегося на страну, – эпидемии чумы.

Болезнь называли *морovým поветрием*, она бушевала в 1654–1657 годах по всей Европе. Считается, что в России было две вспышки болезни – в 1654–1655 и 1656–1657 годах. По одной версии, ее занесли с юга через Астрахань по Волге, по дру-

гой – через Украину с крымцами. Первые случаи фиксировались в Литве в 1653-м, в Угличе и Рыбинске – летом 1654-го, а к осени эпидемия пришла в Москву.

Патриарх Никон увез царскую семью в Троице-Сергиев монастырь. Болезнь охватила центральную Россию от Тулы до Солигалича, от Твери до Вологды. В столице умерли десятки тысяч людей, в том числе бояре князя Михаил Петрович Рыбин-Пронский и Иван Васильевич Хилков. Отбывший к армии царь Алексей Михайлович оставил их во главе правительства. Почти обезлюдевшими приказами героически управляли думный дьяк Алмаз Иванов и дьяк

Дьяк Алмаз Иванов. Фрагмент рисунка работы И. Р. Сторна

Федор Грибоедов. Мор был настолько силен, что опустелые боярские дворы даже не слишком грабили. Единственным орудием борьбы с распространением заразы служили карантинные. Они соблюдались очень жестко, особенно на путях в западную сторону – боялись распространения в армии. Зараженные дворы выжигали, окуривали можжевелевым дымом переписку, а иногда сообщения передавались так: текст отписки гонца читал вслух через ограду заставы, с той стороны ее записывали.

На смоленском направлении распространение болезни удалось остановить. К октябрю 1654-го она стала утихать и в Москве. Царская семья пережидала ее в особом *стане* в Калязине на реке Нерли, и вскоре царица родила царевну Анну. Когда в феврале следующего года Алексей Михайлович вернулся в опустевшую столицу, то увидел обгоревшую Спасскую башню и упавшего с нее орла – некому было тушить. Тем не менее провели пышный парад, полкам специально сшили роскошные форменные одежды по цветам их знамен. Уже в марте царь собрался в новый поход, на Вильну.

ДОГОВОР ВМЕСТО КОНФРОНТАЦИИ

Иван Никитич Хованский не столь знаменит, как кузены и племянники, но на протяжении своей не слишком долгой жизни оказывался свидетелем и участником крупных, знаковых, а иногда и судьбоносных событий нашей истории.

Он единственный родной племянник спасителя России в Смуту князя Дмитрия Михайловича Пожарского (сын его сестры Дарьи) и, вероятно, воспитывался им, так как рано потерял отца – в 1608-м. Еще подростком 15–16 лет участвовал вместе с дядей в войне 1617 года, когда польский королевич Владислав безуспешно пытался вернуть московский трон.

Долгие годы Иван Никитич служил при дворе, где, видимо, стал влиятельным: он занимался организацией государевых *столов*, то есть церемониальных обедов со светскими и духовными важными персонами. Но часто командовал и войсками, защищая южные границы от крымских набегов и участвуя в Смоленской войне 1632–1634 годов.

Близость ко двору привела к опале. В 1645 году он участвовал в несчастливом сватовстве сына

датского короля Кристиана IV принца Вальдемара Кристиана (Вальдемара Хрестьяновича, как его называли в Москве) к царевне Ирине, сестре Алексея Михайловича. При дворе составились две партии. Одна считала, что брак этот опасен – Романовы не слишком укрепились на троне, и присутствие в стране царского зятя из старинного королевского рода может привести к новым смутам. Эта группировка радовалась, что принц не хочет креститься в православие (он, протестант, считал, что одного раза достаточно, хотя готов был ходить в церковь и исполнять все обряды) и требует разрешения вернуться домой.

Хованский принадлежал ко второй партии, стремившейся к этому браку, полезному для страны и царской семьи. Но после смерти Михаила Федоровича временно победила первая группа, нашедшая, убедившая молодого царя, что в православии королевич может стать его конкурентом. Вальдемара отправили в Данию, а Хованского с семьей – в сибирскую ссылку. Приговор был верхом нелепости: в частности, его обвиняли в том, что он так долго уговаривал царскую чету не отпускать принца и заключить брак, что они, видя упрямство датчанина, от огорчения умерли.

Царь Алексей Михайлович. Из собрания ГИМ

Иван Никитич был прощен и вернулся в 1649 году, когда народное недовольство боярами, тогдашними олигархами, вылилось в ряд восстаний горожан и мелких дворян и пало правительство боярина Бориса Ивановича Морозова, одного из лидеров отправившей его в ссылку группировки. Хованскому быстро пожаловали высший чин государства – боярский, и отправили подавлять Новгородское и Псковское восстания 1650 года. Там он проявил недюжинные политические способности, свел до минимума репрессии против восставших горожан, действуя в тесном контакте с новгородским митрополитом, будущим патриархом Никоном, и добился замирения важнейших экономических, политических и культурных центров, через которые шли основные торговые связи с Западной Европой. Затем Иван Никитич вместе с тем же Никоном совершил важнейшее духовно-политическое действие – привез из Соловецкого монастыря мощи св. митрополита Филиппа.

Таковы основные вехи его служебно-политической биографии. И во всех событиях, что важно подчеркнуть, проявляется его незаурядная индивидуальность. Иван Никитич даже в то жестокое время всегда стремился к наименее болезненному решению, предпочитал договор конфронтации и войне.

КНЯЗЬ-РИМЛЯНИН

В начале Тринадцатилетней войны 1653–1667 годов, в результате которой возникло украинское гетманское государство под российским сюзеренитетом, Иван Никитич участвовал во взятии Смоленска и некоторое время служил там воеводой. Он уехал ранее срока и 25 декабря был приглашен к царю на рождественский обед, на котором присутствовали патриарх Никон и другие высокие гости: антиохийский патриарх Макарий, сербский патриарх Гавриил, грузинский, касимовский и сибирский царевичи, бояре. 30 декабря его с Никоном вызвали к царю на праздник св. Филиппа Митрополита,

Средневековая гравюра Смоленска

как одного из организаторов доставки мощей. 17 января Хованский остался во главе боярской комиссии «ведать Москву» во время царского похода на богомолье в Савво-Сторожевский монастырь, 3 февраля присутствовал на именинах царевны Анны Алексеевны, 6 апреля вместе с Никоном за одним столом праздновал Велик день (Пасху).

А уже 18 апреля Хованскому объявили новое назначение – в Казань на воеводство вместо тестя боярина Михаила Михайловича Салтыкова. В товарищах (то есть заместителях) оставляли прежнего второго воеводу Ивана Яковлевича Колтовского и дьяка Петра-Пятого (так его прозывали). Видимо, он был пятым сыном в семье. – Ю.Э.) Спиридонова (Петрунку). Возможно, князь рассчитывал отдохнуть от военных треволнений, ведь передача должности родственнику тогда была обычной практикой. Но эта служба стала последней для Ивана Никитича.

Во время первой вспышки чумы он был в Смоленске, а в Казани его настигла вторая. Примерно с лета 1656-го зараза опять распространилась

с низовьев Волги. Сохранилось несколько писем князя в Москву, в приказ Казанского дворца. Их нашел в Казани в начале XX века местный краевед протоиерей Евфимий Малов и опубликовал в 1902 году в «Известиях общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете» в статье «Древние грамоты и разные документы для истории Казанской епархии, собраны протоиереем Евфимием Маловым».

В настоящее время их местонахождение неизвестно, хотя, скорее всего, они хранятся в отделе рукописей библиотеки Казанского университета. Это так называемые *отпуски*, то есть копии, оставленные в местной канцелярии – приказной палате. Подлинники либо не дошли до Москвы, либо погибли при пожаре архивов приказов в 1700 или 1737 году.

С 25 июня, писал Иван Никитич в Москву, в городе начали умирать люди с симптомами морового поветрия. К 10 июля количество жертв достигло 59. Далее их счет пошел на сотни, причем не только на посаде, но и в ясачных деревнях, окрестных монастырях и пр.

Патриарх Никон

«У заморных мест и у города Казани поставили мы... заставы, и ис Казани и из Казанского уезду и из заморных мест в здоровые места и из Казанского уезду в заморные места пускать никого не велели, а с хлебом... и съестным велели мы... приезжать ис Казанского уезду к заставам, и у заставы всяких чинов людям велели хлеб и естное покупать на деньги, и те деньги велели уездным людям за хлеб и естное имать у стрельцов, которые поставлены на заставах, а стрельцом те деньги имать у казаков, перемывая в реке текущей, а выносить на реку, не дотыкаяючись руками здоровых людей, которых Бог пощадил от морового поветрия и больны не были».

Такою отписку диктовал воевода дьяку Петрунке. Далее он сообщал, что поветрие *«и на люди упадку множится»*, в день умирает 30–40 горожан, и предлагал сделать следующее: в Астрахани во время эпидемии воевода князь Иван Петрович Пронский *«выезжал за город и стоял в Земляном городе, покаместо моровое поветрие не перестало, а астраханцы... всяких чинов люди... из Астрахани выезжали в степь, и в Московское... поветрие люди уходили в леса».*

Воевода действовал грамотно на уровне медико-санитарных знаний своего времени: объявил жесткий карантин, запрет общения во время торговли через заставу и даже ввел промывание денег в проточной воде. Он хотел принять более действенные

меры – рассредоточить скученное городское население, чтобы уменьшить опасность заражения. Но выселить из города людей без московской резолюции, видимо, не имел полномочий: *«А мы... из Казани всяких чинов людей без вашего государева указа выпускать в леса не смеем. А в каменном городе только митрополич двор, да ваш государев двор, где я стою, холоп ваш Ивашка Хованской, да в том же... городе два монастыря... а подле двора, где я... стою, поставлена тюрьма, а возле тово же двора митрополич конюшенной двор, и на том... дворе... конюшенной стрелец и конюхи померли».*

Но оставить пост воевода не мог. *«И я... Ивашка Хованской, с вашей государевою печатью Царства Казанского без вашего государева указа выехать за город, от города версты за три, ни за четыре, в здоровые места в монастырь или в село... не смею, и будет, государь, в каменном городе учнет моровое поветрие множиться, и мне... от морового поветрия с духом умереть будет напрасно»*, – будто предвидел воевода. Он просил разрешения выпустить людей из города, *«которые похотят в поля и на лес около Казани выпустить, и мы... чаем Божией милости, что те люди в полях и на лесах живы будут».*

Но разрешения не получил. Может быть, потому, что события развивались слишком быстро, а отписки могли не дойти. 22 августа князь сообщал, что 17 августа умер казанский митрополит Корнилий, соборный протопоп и большинство священников, причем без благословения патриарха отпевать митрополита не смеют, а оставшиеся попы *«погреть не успевают».* Все подьячие приказной палаты либо умерли, либо больны, посылать с приказами некого, так как служилые люди тоже или умерли, или разъехались.

«Не токмо что, государь, от мору в то поветрие, и от духу в городе мне... и которые остались малые люди со мною... жить нельзя... за город выехать без вашего государского указа не смею же, а от мору и от пустоты жить нельзя. Вели государь нам... указ учинить».

Это последнее послание верного воеводы своему сюзерену. 27 августа 1656 года Колтовский, Ушаков и Спиридонов сообщили: *«Августа в 26 день в восьмом часу дни волею Божию боярина и воеводы князь Ивана Никитича Хованского не стало, а лежал язвами три дни».*

Гравюра Казани. Из собрания Государственного Эрмитажа

La ville d'ASTRACAN.

Астрахань. Гравюра Яна Янсена Стрейса

Указа о рассредоточении населения воевода не дождался и, как писал дьяк, умер за три дня. Петрунка сообщал, что и сам «болен язвою», а в городе с 22 по 27 августа умерло 927 человек. Заметим, что оба заместителя выжили: дьяк Спиридонов (вероятно, ровесник князя) в 1657 году, видимо, вышел в отставку и постригся в монастырь, а второй воевода Колтовский служил еще и в 1669-м.

Иван Никитич умер, как жил, не скрываясь от опасности в какой-нибудь отдаленной усадьбе (хотя мог бы). Жены и детей, на их счастье, в Казани не было, они, судя по всему, еще не собрались на переезд. Княгиня Мария Михайловна, в девичестве Салтыкова, умерла спустя девять лет, в 1665-м и была погребена в фамильном некрополе Салтыковых в костромском Богоявленском монастыре. А сам по-древнеримски стойкий князь похоронен, конечно, в Казани, скорее всего, в общей могиле. Перевозить чумное тело через кордон никто бы не стал, поэтому нет смысла искать могилу в родовой усыпальнице Пожарских и Хованских в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре. Там, где досе-

Усыпальница Пожарских и Хованских

ле сохраняется плита с надгробия его отца и где недавно восстановлена часовня в честь героического дяди, памяти которого он оказался достоин. **ЧМ**

«К сему списку князь Иван Хованской руку приложил».
(Автограф И. Н. Хованского. Из фонда РГАДА)